

Константин Леонтьев

**Письма к матери из Крыма
(1854–1857 гг.)**

Константин Николаевич Леонтьев

Письма к матери из Крыма (1854–1857 гг.)

«...Chere maman! Я пишу вам только записку, чтобы Вы были спокойны на мой счет. Я совершенно цел и невредим. Нахожусь на бивуаках в Арчине – с казаками, к которым я прикомандирован; здесь собран весь керченский отряд. Не пишите мне, потому что мы долго стоять не будем; я же буду по-прежнему по возможности аккуратно вас извещать. Что бы вы ни услышали про Керчь или Еникале, будьте спокойны...»

**Константин Николаевич
Леонтьев
Письма к матери из Крыма
(1854–1857 гг.)**

1854 г. Ноября 25. Еникале.

Вчера, мой друг, я получил ваше письмо (2-е, первое пропало). Я уже подумал, что вы не хотели мне отвечать, что все ваше спокойствие и ваше ласковое обращение со мной перед моим отъездом были только маской, под которой вы скрыли до поры до времени решение прекратить со мной всякую близость и откровенность. В этом духе я писал к тетушке, прося ее уведомлять меня о том, что с вами делается. Простите мне такое несправедливое предположение. Оно было для меня гораздо сноснее мысли, что болезнь или новое горе мешает вам писать. Вы говорите, что не можете быть никогда покойной, что близость военных действий вас тревожит. Я этого ожидал; но ради Бога, успокойтесь и поверьте мне, что я вполне безопасен. Неприятель сюда не будет; это верно. Они не могут теперь отделить и 5000 от своих войск у Севастополя; и зачем им нужно наше ничтожное местечко, когда дела им слишком много и там, где они теперь. Предположим даже (чего здешние никто не предполагает), что Севастополь возьмут, и тогда что же? Нам

придется сдаваться без боя, вероятно. Видите, я беру крайность, которой ни я и никто не допускает (должно быть, и сами французы не верят возможности взять Севастополь, потому что дела их начинают плошать сильно). Божусь вам, что я не прибавляю ни на волос. Сказать надо и то, что перевести меня никуда не могут, потому что я теперь и ординатор на 200 человек больных; а на будущей неделе привезут еще 200 раненых. Другого ординатора послали в Феодосию, потому что там еще больше больных. Болезни здесь все около печени, и мне самому это выгодно, потому что усиленная деятельность печени облегчает легкие, которых слабость у меня вам известна. Погода здесь стоит такая, как у нас в сентябре, и недавно трава вновь позеленела; если бы были деревья (их всего 3 у нас!), страна была бы прекрасная. Не знаю, каков-то будет декабрь! Словом, здоровьем настоящим я пока доволен, за неимением лучшего, и ходьба по палатам, где я и билеты стал записывать стоя, много меня освежает. Если петербургские надежды не обманут, то все будет идти лучше еще, потому что тогда я куплю себе ло-

шадь рублей в 20 сер. и буду ездить каждый день! Вот одна сторона моей здешней жизни.

Что касается до службы, то, поверьте, я ваши правила хорошо помню и *не спешу* ничем, а стараюсь улучшать и свою методу лечить, и присмотр понемногу. Вы понимаете, что сначала было нелегко показать себя с выгодной стороны, после того, как, имея на руках не более 10 больных в течение последних 2-х годов, я на первых двух курсах почти ничего, по известному душевному состоянию, не делал! Однако, благодаря Бога, порадую вас тем, что лицом в грязь не ударил до сих пор. Живу я по-прежнему у зрителя и лажу с ним тоже по-вашему – *без дружбы*. Одним словом, *взялся за гуж, так не кричи, что не дюж!* Вот вам все о себе!

Письмо ваше обрадовало меня вдвойне своим откровенным и ласковым тоном. Не знаю, как благодарить вас за этот тон! Для вас самих, для общей нашей пользы будьте всегда так со мной, и вы не расклетесь. Пусть только судьба не откажет мне в отраде увидаться еще с вами и утешить вас всем, чем может утешить человек, когда случай хотя

немного ему помогает. Долго было бы объяснять вам, какими путями и в какой степени я дошел до убеждения, что утешение не пустое слово, что радость и искренность в сношениях существуют; вы не знаете, может быть, что, будучи студентом, я ничему этому не верил; так я был утомлен, и перемена, хотя бы и к худшему, была необходима мне, как хлеб; а вы ведь имеете религию истинную вдобавок; надейтесь же на то, что еще будет отрада; полоса счастья, сдается мне по какому-то неотступному инстинкту, не убудет, если только грудь моя поправится...

Вы, может быть, думаете, что эгоизм, которым вы исполнились и который вы мне описывали, возмутил меня. Нисколько. Я вполне ему сочувствую и понимаю его не как низость, не как ожесточение, а просто как холодность усталого и обманутого в ожиданиях сердца. Это еще не беда для окружающих; люди с таким эгоизмом часто делают больше добра, нежели с горячими движениями; они не тратят доброты на всякого и холодным расчетом чести приносят пользу.

Знаю, очень хорошо знаю, как вы теперь

смотрите на вещи, знаю также, что я и сам много невольной причиной вашего охлаждения ко всему, и потому только извиняю себе больше, нежели другим, что у меня есть искреннее желание вознаградить вас, мой друг, чем поможет судьба.

К тетушке, Катерине Борисовне, прилагаю записку и хочу просить вас об одном предмете, довольно противоречащем тому эгоистическому направлению, в котором вы теперь находитесь. Дело в том: не можете ли вы вообразить, что *я все еще в университете* и что вы мне даете 10 руб. в месяц; отдайте их тетушке на покупку в Москве минеральных вод, которые ей советовал через меня пить Ротрофи. Она и без того тратит рублей до 5 сер., я думаю, в месяц на лекарства; 15 же будет вполне достаточно. На всякий случай приложу небольшую записку к Ротрофи с просьбой выслать эти воды, в случае вашего согласия на это доброе дело. Я убежден, что они облегчат ее много, и так как с ее стороны вы не видали неблагодарности, то и надеюсь, что вы на это изъявите согласие. Прощайте, целую вас и благодарю за милое письмо. Про-

цайте, мой дружок.

23 декабря. Еникале.

Письмо ваше, дружок мой, от 23 ноября получил 22 декабря, т. е. вчера. Сколько перемен, может быть, случилось в наших странах с тех пор! А у нас самая лучшая и важная перемена та, что вчера выпал снег и за ночь его так подморозило, что окрестность совсем стала похожа на русскую. Я с большим удовольствием погулял в поле, и не раз восхищался тем, что купил себе дубленку. Дела по-старому; так по-старому, что даже журналы в Керчи до сих пор октябрьские, и я ничего не знаю о судьбах моего «Лета на хуторе»! Конечно, мне уже не привыкать стать к разочарованиям подобным тому, которое может постичь меня в лице этой повести; но не понимаю, что могут найти в ней предосудительного, безнравственного или непристойного. От Тургенева я имел 2 письма; одно через вас, другое прямо из Петербурга; но кроме обещаний помощи ничего до сих пор нет. Я и за это ему очень благодарен. Задача в том, чтобы прожить от января до мая (в мае я получу следу-

ющую треть жалованья), и я, слава Богу, нашел человека, который заранее уже взялся с 1-го января поставлять мне кофе, сахар, свечи и табак; я имел случай оказать ему одолжение, и он очень охотно берется за это, тем более, что уверен в платеже: начальство уже вычтет из жалования. Итак, с этой стороны я спокоен. Стол обходится мне около 2–3 руб. сер. в месяц, а иногда и меньше. Больше мне ничего не надо для существования; а будет здоровье в таком же виде, как и теперь (даже если и не лучше), сумею добыть из Петербурга! Практики здесь, конечно, нет и быть не может. Лечатся или небогатые офицеры в гошпитале, или кто-нибудь по знакомству. Был, например, один случай довольно забавный; лежал в гошпитале довольно зажиточный казачий офицер. Болезнь его была такого рода, что военной службы он продолжать не мог; просил свидетельства и умолял о поправке временной (у него была застарелая грыжа, которая перестала даже вправляться); я повел дело довольно удачно, так что грыжа через несколько времени достаточно вошла и можно было носить обыкновенный бандаж. Я обе-

щал похлопотать ему об свидетельстве у главного лекаря и он, заметив, что дело подвигается не слишком скоро, поймал меня раз в сенях и протянул мне *что-то* в бумажке; я засмеялся и сказал, что в подобных ободрениях не нуждаюсь, что его дело законное и потому он может благодарить меня за лечение и за хлопоты после. Все устроилось, и мой герой улизнул на рассвете, чтобы не встречаться со мной. Вот какие гоголевские сцены случаются иногда со всяким. Однако я надеюсь, что перевод в Керчь (если он осуществится, так это будет к весне) даст, может статься, делам иное направление...

Если вы приедете сюда в мае, это будет лучше всего. Да иначе и едва ли возможно; надо ехать или в январе и феврале, или дожидаться колесного хорошего пути. К тому времени, Бог даст, и я справлюсь; неприятели же, если и придут весной, так что ж за беда? Вы, насколько я вас знаю, предпочтете гром пушек долговременной разлуке. Да и чего вы за меня боитесь? Плена? В этом беды еще слишком страшной нет в наши времена. Смерти от пули? Я же скажу вам, что я предпочитаю 5

пуль одной капле крови из горла при кашле; а вы сами не раз очень хладнокровно видали эту кровь в Москве, и вас не кидало в ужас. Неужели вы, при вашем уме, настолько неопытны, что боитесь грому и треску больше, чем постоянной и несносной болезни... Я и верить этому не хочу.

Поверьте же мне, что при том состоянии здоровья, каково мое, я не должен ничего так бояться, как дурного образа жизни и... особенно климата. Здешним я пока, за неимением лучшего, доволен; *однообразная жизнь моя, конечно, скучна*, но я утешаю себя занятиями и тою мыслию, что это все заплатится мне, как уже не раз было заплачено. Вы пишете, что одна капля крови моей заставит вас никогда не простить моего вступления на службу; а потом прибавляете тут же, что ваше одно желание видеть меня здоровым и счастливым. Счастливым и даже довольным я себя не назову; но назову себя спокойным пока, а кровь моя... что вам в ней? Во-первых, медиков никогда почти никто не убивает; а во-вторых, я сейчас дал бы себя ранить (даже в лицо! конечно, не слишком уродливо), если бы

знал, что за это я буду в состоянии хоть несколько лет прожить немного по-своему. А главное дело – не думайте много обо мне, если можете; поезжайте в Москву, в Петербург, старайтесь рассеяться. А со мной что будет, то будет... Невозможно предполагать, чтобы вся жизнь была из одного труда да неудач. Бог даст, и выйдет что-нибудь.

24 декабря.

Вчера хотел вам написать очень много, но пришел ко мне здешний священник и промучал меня до 10 часов вечера рассказами и расспросами о своей болезни! Нынче уже поздно, и я едва успею докончить кой-как письмо.

Завтра праздники начинаются, а у меня и похожего на отдых не будет; не сегодня-завтра пришлют 200 человек больных. Впрочем, я рад не иметь времени оставаться наедине сам с собой, раздражение мое против плохого здоровья моего, безденежья (то есть в смысле неимения больших денег) и невозможности заниматься по своему вкусу так велико, что заботы дают даже отраду, заставляют не думать о своих личных делах. Потому-то я чув-

ствую себя лучше, чем в Москве, где дела у меня не было. Прощайте, дружок мой... Как бы я рад был с вами пожить, но только при хороших условиях с моей стороны! Вы думаете, что мне вздыхалось из корысти по вашему флигелю; напрасно! просто о вас вздыхалось. Прощайте, целую вас. У тетушки целую ручки. Будьте здоровы и поезжайте веселиться в Москву; отчего вы не возьмете Лизу Высоцкую для тетенки? Тогда бы вы были свободнее. Если вы будете в Москве, письма мои будут тогда доходить к вам аккуратнее. Оттуда я скорей всего получаю ответы.

1855 г. Янв. 3. Еникале.

Очень рад, что могу писать Вам в Москву; верно, теперь мои письма будут доходить скорее. От Вас же, мой друг, опять недели с 2 нет писем. Последнее Ваше письмо было то, в котором Вы сообщаете мне, что собираетесь в Москву и даже в Петербург с какими-то планами. Не знаю, какие это планы, но лучше всяких планов будет приезд сюда весной. Дивизионный доктор, который обещал мне перевод в Керчь, был на днях у нас в гошпитале,

очень любезно спросил у меня, когда Вы будете сюда (он узнал о том, что я Вас жду, от нашего зрителя, с которым я давно еще советовался насчет квартиры и т. п. предметов), и когда я отвечал, что не ранее весны, он отвечал: будьте уверены, что я постараюсь сделать то, о чем Вы меня просили. При том еще имел деликатность говорить все это по-французски и в самых неясных выражениях, чтобы главный лекарь мой не мог понять, о чем идет речь. Вот единственная новость, заслуживающая названия новости. Остальное несколько не стоит внимания. Разве то еще, что раненых привезли из Феодосии человек 200, которых мы с главным доктором разделили пополам.

Об Севастополе ровно ничего не слышать. Газет здесь нет, а о поездке в Керчь нечего и думать по неимению ни времени, ни денег лишних. Здоровье пока слава Богу; жду не дождусь возможности купить себе верховую лошадь; воздух оказывает на меня такое благодатное действие, что путешествие мое из Кудинова до Керчи прибавило мне в 7 дней вдвое больше полноты и румянца. Что дела-

ется на Пречистенке, скажите, пожалуйста? Анна Павловна прислала мне 2 письма; в последнем между прочим сообщает, что Осип Николаевич и его жена желали пригласить меня на святки к себе; но я понять не могу, каким образом могло бы это осуществиться, если бы я имел малейшую возможность отлучиться от должности... Куда? Где они? Где этот Карасу-Базар? Как могут они быть в одно и то же время и в Херсоне, и в Карасу-Базаре?.. Впрочем, несмотря на эту вездесущность, непонятную для меня, и на невозможность отпуска, я был искренно тронут их любезностью и добротой. Передайте это от меня Анне Павловне вместе с поцелуем и скажите ей еще, что знакомством Ветлицкого я, может быть, и воспользуюсь, если гошпиталь утвердится в Керчи и преемник теперешнего дивизионного доктора последует его рекомендации. Пока перевод в Керчь есть ближайшая моя цель и мечта. Может быть, там будет по-выгоднее, нежели в этой пустыне, в которую я попал таким сюрпризом. На Петербург надежду я отложил, предоставляя ей явиться передо мной в виде неожиданности. Однако, не

унывая, начал новую вещь в часы свободы, да еще *сценическую*; с радостью вижу, что горькие испытания в те годы, когда большая часть людей живут беспечно, если не совсем счастливо, приучили меня почти хладнокровно встречать новые неудачи и, главное, научили хвататься за малейший случай, за малейшее ободрение, чтобы возбуждать в себе новую деятельность и новую надежду!

До свиданья, мой друг, целую Вас от всей души и прошу Вашего благословения на дела и здоровье мое! Дай Бог Вам весело провести этот 55-й год; я же встретил его, конечно, в постели, при звуках завывающего ветра. Святкам скоро конец; да и Бог с ними. От них только больше забот, потому что прислуга вся пьет. Если будете посылать дагеротип Ваш, приложите к нему следующие подарки: 1, чиненных перьев самых лучших – один картон; 2, пару перчаток толстых замшевых (*en peau de daim*) от Дарзанса и еще спросите у Ротрофи, не знает ли он какой-нибудь монографии о язвах (все равно, на немецком или на французском, только пократче) недорогой и пришлите ее тоже, если есть деньги, а я со-

что это за подарок к 13 января. Еще раз целую Вас.

1855 г. Еникале. Января 10.

Теперь у нас, мой друг, установилась зима и довольно пока сухая, так что ходить вовсе не неприятно. Часто думаю о кудиновских снегах и приятно (хотя и не без досады) мечтаю о том времени, когда у меня будут средства хоть небольшие, да независимые, с которыми я мог бы хоть на несколько лет прижиться в милом Кудинове. Чем пустее и беднее становится оно, тем больше является у меня охоты поправить и оживить его своим присутствием. Не хочу отчаиваться и думать, что эти года испытания в совершенно несообразном с моим духом образе жизни пройдут даром; эта-то надежда и делает то, что моя настоящая служба также нравится мне порой, как невкусное лекарство, от которого видишь пользу. Постичь не могу, что за паспорт прислали мне из Москвы: по обыкновению тот, кто ехал в Керчь на почту, забыл мое объявление в конторе, где прикладывают печать, и я прежде после завтраго не узнаю разгадки.

Полагаю, однако, что паспорт написали на объявлении ошибкой, и что это просто страховое письмо от Вас.

Дмитрия давно уже нет и в Керчи; я его отпустил с богатым греческим купцом в Бердянск, и купец этот его откупает. Что же еще сообщить вам о своих обстоятельствах? Да разве то, что на днях посылаю еще одну рукопись в Петербург, несмотря на поражение, которое, должно быть, снова нанесла цензура моему «Лету на хуторе», должно быть – потому что ни Тургенев, ни Краевский не пишут ни слова. Нет, цензоры не так-то скоро от меня отделаются. Буду биться до последней капли крови. Под Севастополем ничего, кажется, нет особого; неприятельские солдаты, слышно, очень зябнут и часто перебегают к нашим бивачным огням. Кстати, замечу Вам, что Вы можете быть совершенно спокойны насчет моей безопасности. Если бы союзники и пришли сюда, пока они никак Керчи миновать не могут, и прежде, нежели они остановятся перед Еникале, им нужно драться в Керчи и не быть разбитыми. Госпиталь же при малейшем их решительном шаге около Керчи, на-

сколько я знаю, полагается вывести в степь.

Целую Вас, дружок мой, от всей души и прошу Вашего благословения! Прощайте. Скажите Анне Павловне, что я ее тоже целую и на следующей почте осчастливлю ее еще письмом. Что делается на Пречистенке?

24 января 1855 г. Еникале.

Жизнь мы (т. е. я и мои здешние сослуживцы) ведем такую же, как и прежде вели-несколько растительную, тем более теперь, когда установилась зимняя погода и в пустой степи гуляется неохотно. Благодаря Всевышнего – приехал на прошлой неделе другой ординатор из Севастополя и дал таким образом возможность хоть изредка проехаться вечером в Керчь; Еникале же по-прежнему *posse de tous les desavantages de la campagne sans en avoir la poesie et le confort*[1]. Однако живем, слава Богу, ничего пока.

Вчера, к неопisanному собственному удивлению, сделал ампутацию в первый раз и, пока еще не остыло первое ожесточение, постараюсь сделать на днях еще пару... Вот Вам разнообразие; и все в этом же роде, то по-

бранишься с фельдшером, то порадуешься над выздоравливающим, то проклянешь медицину в неудачный час... Как переходную эпоху такую жизнь допустить можно и, оглянувшись назад, я вижу все-таки, что, несмотря на первые трудности, скуку и на совершенно не свойственный моим прежним привычкам образ жизни, вижу, что эти 4–5 месяцев сделали свое дело, заставили забыть душевную постоянную тоску, придали опытности в житейских сношениях и обратили к какой-то простоте чувств во многих (конечно, не во всех) случаях, простоте, которая хоть и не имеет старинной свежести, но не лишена своего рода ценности. Эти-то вещи имел я в виду, уезжая, настолько же, насколько и воздух

Крыма; и достиг их; я чувствовал, что моей душе нужен крутой поворот, потому что в ней все было притупилось: вот Вам истинная цель моя и причина упорства, с которым я стоял за этот отъезд!.. Теперь Вы не только из осторожности на словах, но и внутренне не можете осудить моего поступка. Если он не приведет к добру, если случится со мной какое-нибудь несчастье, то это, конечно, будет

дело случая, от которого не уйдешь нигде (хотя, конечно, дома, в Кудинове с Вами, самая смерть была бы в сто раз сноснее!); но, одним словом, одна из главных целей известная степень душевного излечения достигнута, остальное же надо предоставить судьбе! Быть может, не далее, как это лето, мы опять будем вместе?! Вы, конечно, сами понимаете, что настоящая моя жизнь может быть допущена только как лекарство, а не как постоянная пища; да и я уж никак 3-й раз делаю это блестящее уподобление?!

Прощайте, мой милый дружок, пожалуйста, старайтесь быть веселее и не сердитесь ни на меня, ни на кого.

J'espere, en retournant, Vous voir tout a fait corrigee? Adieu mon enfant, je vous embrasse et demande Votre benediction ma-ternelle. J'ai recu la petite priere, je l'attacherai absolument un de ces jours au cordon de ma croix et meme je serai obligé de coudre pour elle moi – meme un petit sac; les domestiques sont des rustres, et les filles d'ici des gars de premier ordre! Je ne veux pas que leurs mains souillent ce papier, que vous avez sanctifie par Votre amour bien plus encore

que David par son eloquence. Merci aussi pour le conseil de manger des petits <нрзб>; on peut essayer cela pendant les bains de mer en ete. Et Votre portrait?[2].

1855 г. Еникале. Феврала 15.

Опять беру перо, мой дружок, с искренним желанием написать Вам что-нибудь хорошее и не знаю что... Все так старо, так однообразно и деревянно здесь, что и у меня нет никаких ровно мыслей, кроме ближайших ежедневных забот. Вообразите себе небольшую комнату с белой штукатуркой, окнами в самый бок горы; дверью к крепостной стене и отчасти к морю; комнату довольно теплую; страшный беспорядок на 2-х окнах от книг и разных мелочей; три простых крашенных столика, на одном из них Ваше зеркало, на другом всякая всячина; кровать (очень недурная; в придачу при продаже тарантаса добыл), и на кровати известное Вам одеяло. Потом крепостные стены, белые, низкие гошпитальные домики, бушующий пролив и 7-й час вечера... Представьте еще себе мой халат, давно Вам знакомый, и вся картина!.. Утро в записыва-

нии билетов (в лечении не смею сказать!., по скудости аптечных средств в казенной аптеке); в брани с фельдшером; потом обед, с аппетитом, конечно; потом чай и беседа... Относительно последней, надо сказать правду, общество наше оживилось много с приезда одного ординатора, молодого человека лет 25, очень неглупого, знающего врачебное дело и веселого. С ним можно иногда не без удовольствия провести время; да и позаимствоваться от него можно многим; и я стараюсь по мере сил ловить случай узнавать что-нибудь новое, не по увлечению, конечно, а потому, что нахожу нужным совершенствоваться для приближения постепенного к цели моей, т. е. к возможности свободного выбора занятий, другими словами, делаю теперь, чтобы иметь право не делать после! И будь у меня деньги, хоть 500 р. сер. в год своих, я бы мог многим, многим воспользоваться! Такой клиники по разнообразию и количеству больных едва ли когда придется еще видеть; но *презренный металл*... Отсутствие его мешает и себе облегчать труд, и многому другому мешает, например, хотелось бы испытать то или другое

средство, а его у нас нет, хотелось бы завести аптечку, несколько инструментов, но это все дорого, и думать нечего об затеях, когда по две недели сидишь с 3 коп. сер. в кошельке! Сделать бы частным образом подписку в пользу раненых и не раненых солдат да и доставлять рублей по 30 сер. в месяц на покупку дорогих средств... Будь у меня только эти деньги, я уверен, что они были бы бесполезны, подобно другим пожертвованиям, которые Бог знает через какие руки проходят и бедным из них достается 10-я часть!! Впрочем, по-видимому, и такие положительные вещи надо причислять к мечтам и приписывать: *Mixturam muriatis ammoni* против лихорадок, в которых она не действует. Спросите у Ротрофи про эту микстуру, и он об ней, я думаю, знает теперь... А пока прощайте, мой дружок, целую Вас, обнимаю и прошу Вашего благословения на дальнейшие труды. Прощайте, будьте здоровы и описывайте подробнее все московское житье.

В Кудиново я писал недавно, но ответа еще не имею. Передайте мое почтение и мое *baisemain*[3] (на словах, конечно!) Наталье Васи-

льевне и смуглой тетушке. Кланяйтесь М. Ротрофи. Поздравляю Вас с приближающимся 23 февраля.

21 февраля 1855 г. Еникале.

Послезавтра Ваше рождение, милый дружок мой, постараюсь не забыть числа и побольше подумаю об Вас в этот день. Вы знаете, что я в подобных поверьях любитель старины. А мое дело насчет Керченского гошпиталя почти лопнуло. Баушман, может быть, и сдержал свое слово, говорил обо мне кому следует; но уже в Керчь наехало заранее так много ординаторов, что надеяться я совершенно перестал. Не скажу, чтобы я был слишком этим огорчен, даже не знаю, не придется ли порадоваться, если взять в расчет мои денежные средства, удобство здешнего сожительства с смотрителем, отсутствие практики в Керчи по причине всеобщего выезда (семейств); да и притом все же надо положить на весы для остальных шансов практики и мою неопытность и нелюбовь мою к шарлатанству и заискиванию, которыми берут так часто многие лекари! Пусть будет, что будет;

я готов настоящим для будущего, и как ни тяжело сидеть иной раз одному в своей одинокой комнате и подумать, что в подобных passe-temps[4] проходят лучшие года жизни, а, ей-Богу, я как-то не отчаиваюсь и часто благодарю судьбу за то улучшение телесного состояния, которое я ощущаю. Теперь, слава Богу и благодаря привычке, мне почти ничего встать в 6 и даже в 5 часов, ничего не стоит просидеть и проходить с 8 до 12 часов в палатах; это мой пятый курс, который бы мог быть превосходным, если б была возможность знать наверное, чем лечить... Ну да это в сторону! Я уже говорил об этом. Толковать о том, выиграю ли я или проиграю от этой поездки, было бы странно; но я Вам скажу только, что и при продолжении войны на 56-й год у нас будет один шанс жить вместе... Если только будет у меня рублей 200–300 сер., т. е. если Петербург неожиданно подоспеет на помощь. Вот в чем дело: положим, у меня есть эти деньги; в таком случае, по окончании весны (допустив, что неприятель не возьмет ни Керчи, ни нас) я могу лечиться самым точным и серьезным образом, не упуская ничего

для своей гигиены. Я теперь только увидал, как много значат денежные средства для самого здоровья! Не сделавши для своего тела всего, что есть в моих силах, я бы не хотел оставлять Крыма; но если бы к осени почувствовал себя иным, так можно было бы хлопотать о переводе в смоленский военный госпиталь, что, конечно, было бы удобно во многих отношениях, а о приятности и толковать нечего. Без денег же едва ли я вздумаю уехать отсюда. Ведь это не южный берег, где можно жить без денег, одной природой, если б иметь там медицинское место с самым небольшим количеством занятий. Здесь и дела довольно, да и климат далеко не тот; значит, нужна искусственная гигиена, и тогда только цель моей крымской экспедиции будет хоть несколько достигнута, тогда могу без упрёка себе вернуться в Россию до тех пор, пока мир не позволит настоящей жизни на южном берегу... Вот Вам подробный и откровенный разбор моих мыслей относительно предстоящего; ведь без планов и целей нельзя же? без них, Вы сами знаете, хоть повеситься приходится человеку!.. Только не объ-

ясняйте слишком другим то, что я объясняю Вам; люди равнодушные готовы, пожалуй, и посмеяться над моей настойчивостью в лечении; они не захотят понять, что вся моя цель пока – прожить хоть несколько месяцев жизнь по возможности свежую, телесную и простую... Надо тоже понять, как соблазнительна мысль о таком образе жизни для человека, который собственным трудом добывает хлеб и деньги и знает притом, что один месяц спокойной деревенской жизни, одна неделя дороги в хорошую погоду и в не слишком тряском экипаже перерождает его. Когда уже здешняя более ходячая, чем прежде, жизнь и раннее вставанье отозвались порядочно, неужели не соблазнит мысль о годе такого быта, где бы все соединить вместе: и воздух южной зимы, и свободу времени, и обеспеченность в настоящем – т. е. возможность занятий по вкусу!!! Вот Вам исповедь несколько медицинская, но, тем не менее, и сыновняя...

Вы пишете, что не можете на меня сердиться, что я напрасно так думаю о Вас... Конечно, я и сам не хотел этого допускать, но поверьте, Вы как-то слишком спокойно-лас-

ковы были во дни прощанья, а я так привык видеть во всем дурное что-либо для себя, что и радоваться твердо не смел Вашей *maniere d'atre*[5], которой я никогда так не был доволен. Так как я ошибся, то дай Бог, чтоб эта *maniere d'atre* встретила меня и по приезде в Россию; я часто вспоминаю темную ночку, в которую я выехал от Вас, и Ваше последнее слово: *adieu mon cher! Bon voyage!*[6] без слез, без всяких сцен... Не думайте, что я говорю фразы (Вы знаете, как я боюсь их), но я говорю от всей души, Ваши слова эти, Ваш голос, когда Вы отворили окно, до сих пор в ушах, и не знаю почему, только мне становится очень грустно, когда я обо всем этом вспоминаю. Поверьте, это не прошлое время, где легонькое чувство выросло в гиганта по милости воображенья; теперь на воображенье узда давным-давно, и я говорю это на всякий случай, чтобы Вы знали, есть ли у меня к Вам чувство или нет. Такие вещи, признаюсь, и говорить стало как-то трудно; да мне кажется, что, сказав, я доставлю Вам отраду!!! Прощайте, однако, милый друг мой, больше нет времени; надо почитать еще, да и на постель. Целую Вас и

прошу Вашего благословения. К Тургеневу я больше не буду писать, кажется, пока не получу от него письма. Должно быть, первое чувство возбужденного интереса притупилось в нем. Целую Вас.

10 марта 1855 г. Еникале.

Вы отвечаете разом на 2 письма, мой дружок, а я в отместку отвечу на три! Сегодня пришло письмо № 10 с 25 р. сер. от Анны Павловны, и крайне кстати, потому что я уже более полумесяца сидел без чаю, сахару и табаку (т. е. покупного, и должен был перебиваться займом с большой экономией). Теперь я хоть на месяц или полтора могу курить и класть сахар с роскошью и без *arrière pensee* [7]; итак: поблагодарим прежде всего небо, а потом тетушку. Не знаю, в каком из моих писем было написано, что здешняя моя жизнь, несмотря на свою скуку, все же лучше прежней. Вы радуетесь; но эта радость как будто бы сопровождается недоумением; Вы как будто не понимаете, в чем дело и какие перемены я в себе ощущаю. Зная, как Вас интересует все, что до меня касается, я объясню Вам

правду. Хотите ее знать? Здешней жизнью я тоже недоволен, да и чем быть довольным, скажите? Пустыня и пустыня, без всякой поэзии, с обязанностями службы не по вкусу; с лишениями и отдалением от всех близких по душе, крови и привычке людей. Дела довольно много, и вдобавок дела, как я все более и более убеждаюсь, бесплодного, потому что я теперь не верю почти ни одной пилюле, ни одному порошку, которые я выписываю из казенной аптеки; лечить и не верить лекарству, не видать от него помощи и не иметь средств это поправить, согласитесь, недеревянному человеку невесело. Вот Вам удовольствия науки и службы здешней; общество я не только не стану бранить, но даже похвалю; смотритель, с которым я обедаю (живу я в особой комнате уже с месяц, т. е. имею в том же флигеле другое крыльцо), – человек положительно порядочный, с умом и образованием; молодой лекарь, который был прикомандирован к нам, все это время жил тоже с нами, очень милый, веселый и дельный молодой человек; остальные же хотя и дюжинные люди, но все-таки в массе бывают иногда за-

нимательны. Но что до всего до этого; все они люди чуждые по сердцу; всего этого мало; все это хорошо на время. Значит, и общество несколько не пленяет меня! Здоровье? для здоровья я по неимению средств и еще больше хорошей летней погоды не успел сам ничего сделать; но штука в том, что сделал климат уже довольно много, освободил мне грудь (иначе я не умею выразить своего физического ощущения) и вдобавок деятельный и воздержанный образ жизни много укрепил меня; я ехал не на радость, не на карьеру сюда, и если бы мне пришлось здесь прожить несколько лет, я бы, кажется, принял хлороформа; если Вы думаете, что я от души доволен настоящим, то я уже решусь Вам сказать противное; но я не хочу еще бранить его, решившись терпеть для будущего, для независимого образа жизни; я, пожалуй, и доволен им как средством. Для чего я пошел в военную службу? Мне тогда по известным Вам обстоятельствам хотелось перемены, это раз; 2-е, я знал, что перемена мест, лиц и отношений пробудит во мне многое, что уснуло от прежней жизни; я угадал, и все это сбылось,

т. е. я стал деятельнее жить поневоле, по совести, а после и по привычке, 3-е, я хотел на год, не более, южного воздуха и добился его; и вижу от него пользу. Вот что заставило меня ехать; прибавьте к этому желание иметь независимое жалованье и не отягощать Вас при Вашем настоящем положении; и кроме всего – любопытство видеть войну, если можно, чего 2 раза в жизнь, пожалуй, не случится; да и не дай Бог; а один раз посмотреть недурно. Вот Вам все, что я думал тогда; думаю и теперь... Конец может быть неблагоприятен, как и во всем, война может долго продлиться, и я могу потерять через нее время и для пользы, и еще хуже, для жизни в кругу своих. Но к чему до такой степени чернить себе будущее; природа недаром дала нам способность надежды; без нее было бы плохо. Неужели Вы думаете, что мысль не видать Вас долго легка для меня? Дайте мне денег, выпросите мне отставку или отпуск, разве я со всех ног не полечу взглянуть на Вас, мой друг, и на Кудиново... на Москву и на всех родных? Конечно, случись так, я предпочел бы Вас перевезти сюда на год; и, сделавши все, что хочется, для

своей физики, после вернуться на новую жизнь в Россию. Теперь же и здесь я могу заниматься своим делом, если хочу; служить в России, где все окружающие меня знают, надо с хорошим медицинским запасом, и, Бог знает, имел ли бы я его после 5-го курса больше, чем теперь. Но об этом довольно; Вы поняли меня, и недоразумений больше не будет; насчет же Вашего характера не думайте, ради Бога, ничего; он ни мало не был причиною моего отъезда; в последнее время я ни в чем не мог упрекнуть Вас, кроме нескольких жестких precedes относительно той девушки, на которой думал жениться; но это все было простительно; она осталась в моих глазах до сих пор тем же, чем была; а на Вас я и тогда за эти слова не сердился, зная, что любовь Ваша ко мне и, кроме того, ошибочные убеждения и незнание многих обстоятельств внушали их Вам. За это сердиться нельзя; несмотря на Ваши слова, Вы, может быть, помогли бы мне, если бы было чем, я знаю Вас и умею извинять от души минутный гнев любящего человека. За что же Вы нападаете на себя; нападите только на одно безденежье, которое

всех нас связывает по рукам. Вы еще пишете в последнем письме: «Vous esperez me retrouver corrigée; mais en quoi donc mou Dieu! Vous ne dites pas?»[8] Разве Вы не поняли, что это была просто шутка, желание Вас позабавить немного. Вот и все, милый друг мой...

Сегодня был у нас генерал штаб-доктор Попов; остался доволен нашим гошпиталем и сказал мне, что я могу с разрешения главного лекаря вскрывать и анатомировать сколько хочу; я бы очень желал заняться судебной медициной; хотя я ее почти не знаю; но мне кажется, что, скорее всего, выберу ее (если случай поможет, т. е. деньгами) специальностью своей; к практической же медицине я все-таки остаюсь довольно хладнокровен. Теперь-то я еще больше убедился, какая разница любить и не любить свое ремесло; совсем не то и не те результаты... Я бы, не откладывая, начал заниматься судебной медициной в свободные часы; да надо и для науки средства; надобно купить книг, лекций, кой-какие химические препараты и инструменты. Надо ждать, пока «Лето на хуторе» принесет плоды. На всякий случай попросите Ротрофи сказать,

какая цена «Судебной Медицины» Громова. Если после все это не выгорит, Вы смотрите, не смейте смеяться надо мной, я уж не буду виноват.

1855 г. Марта 23. Еникале.

...На Страстной я получил разом два Ваших письма (№ 11 и 12, кажется). Так что я очень кстати пропустил почту на прошлой неделе; т. е. я не сам пропустил, письмо было готово, да еврей, который обыкновенно ходит с письмами в Керчь, праздничал; ее с людьми неизвестными я посылать не рискнул, потому что штемпелеванные конверты все вышли, и я боялся пропажи письма. Все это вышло весьма кстати, так как новые ваши письма сделали многое ненужным в моем прежнем. Пришло и объявление о посылке, но я еще не добился ее. Оставив в стороне № 11, в котором почти не на что отвечать, возражу Вам на 12-й. Во-первых, Вы говорите, что мое уподобление медицины нелюбимой жене безумно, хотя и остро. Чем же безумно, разве я пренебрегаю ею; напротив, пока я все больше и больше вдаюсь в нее; я говорю только, что обречь

себя навсегда на скачку практического врача я не хотел бы; и подобная необходимость была бы истинным несчастьем, потому что, зная себя, я убежден, что всегда на подобном поприще буду затерян в массе, и особенно порядочного ничего не сделаю, и денег даже наживу меньше многих других. C'est bon d'une maniere provisoire pour la premiere jeunesse?[9] Еще Вы подозреваете меня в новоразвившейся любви к лени, на основании того, что я оживился от одного дня свободы в Керчи? Что же тут нового? Я всегда любил поболтаться от поры до времени; а теперь, когда я работаю втрое и вчетверо больше прежнего, понятно, что дорожу отдыхом. Vous dites que jadis j'etais de mauvaise humeur lorsque j'etais desoeuvré? Jamais! J'etais de mauvaise humeur lorsque je n'avais aucun but pour faire quelque chose; et pour etre trop occupe je ne l'etais jamais a l'Universite[10]. Сверх всего, надо заметить, что я считаю того человека глупым, который сейчас скучает, если один день остается без заказных занятий (т. е. служебных или школьных); как будто трудно найти в себе самом материалы для чего-нибудь нового. Сего-

дня пришло к нам предписание от нового нашего Главнокомандующего Врангеля, чтобы устроить в Керчи отделение от нашего госпиталя; если это состоится, так состоится в очень скором времени, и кажется, что назначат меня туда. Там жить будет немного дороже; смотрителя, у которого я так пригрелся насчет стола, не будет; ну да не беда; ограничу себя необходимым куском, насколько можно; все же лучше разнообразие. Там будет 50 человек больных; это немного; я буду один хозяин, а главный лекарь будет только наезжать по временам. Дай Бог, чтобы это удалось; все перемена что-нибудь новое да принесет с собой. У нас месяца полтора жил лекарь молодой, прикомандированный из Севастополя. Он рассказывал, что даже и там нет никаких особых болезней, которые почти всегда бывают в осажденном городе при недостатке съестных припасов и трудностях войны; самое худшее время весны миновалось уже и, слава Богу, ничего не было. У нас почти нет тифозных; осенью, когда я прибыл, их было гораздо больше. Но война, кажется, не хочет усмиряться; слышно, будто бы Людовик

Наполеон просил позволения у австрийского Императора командовать лично его войском. Если война примет такой продолжительный ход, я, покупавшись летом в море, к зиме буду хлопотать о переводе в смоленский госпиталь. Больше же года в этой глуши, при довольно трудной работе, делать нечего. Если же война кончится завтра, то послезавтра сажусь на пароход и еду на Южный берег, а к Вам пишу пригласительное письмо. Одним словом, милый дружок, не будем унывать пока; хоть счастья и блаженства не найдем на земле, а все-таки, быть может, найдем довольно приятный покой. И то хорошо. Тысяча рублей серебром дохода, посредственное здоровье (средним числом раза три в год болеть; это уж нам нипочем...) и как можно больше свободного времени для того, чтобы выбирать занятия по вкусу. Если и в подобную перспективу потерять веру, так плохо, и я за веру эту держусь изо всех сил. Пишите же почаще и поподробнее, мой друг; я не раз с большим удовольствием перечитывал некоторые из ваших писем. Вы как-то писали мне про Сережу Унковского; я уже давно узнал о том, что

он ранен и как, от одного из его сослуживцев... Прощайте, милый друг мой, целую ручки ваши и Вас самих. Жду вашего письма и благословения.

1855 г. Мая 13. Арчино.

Chere maman! Я пишу вам только записку, чтобы Вы были спокойны на мой счет. Я совершенно цел и невредим. Нахожусь на бивуаках в Арчине – с казаками, к которым я прикомандирован; здесь собран весь керченский отряд. Не пишите мне, потому что мы долго стоять не будем; я же буду по-прежнему по возможности аккуратно вас извещать. Что бы вы ни услышали про Керчь или Еникале, будьте спокойны. Adieu. Saluez tout le monde[11].

18 мая 1855 г. Где? – сам не знаю.

Пока все благополучно, милый друг мой. Керчь сдана неприятелю – это правда; Еникале взят; но войска отступили внутрь полуострова, и я с своими донцами живу на бивуаках. Не беспокойтесь за мое здоровье; от простуды я предохранил себя, за седлом у меня ездит теплая шинель и большие сапоги на

гуттаперче. А усталости я не чувствую никакой; скорее даже отдыхаю в этой свободе на чистом воздухе после гошпитальной жизни. В деньгах не нуждаюсь. Один артиллерийский майор, который хочет перевести меня в свою батарею (на том основании, что батарея тоже донская, но не разбивается на части, как полк, и медику удобнее состоять при ней и при полковом штабе); так этот майор, человек весьма любезный, услышав от меня, что я намереваюсь просить Врангеля выдать мне рационные деньги вперед за месяц, так как я выехал из Керчи уже при вступлении неприятеля и не успел ничем запастись, предложил мне своих денег с тем, чтобы получить мои рационные по окончании месяца.

Действительно, я случайно встретил казака, который только что отвез товарища в еникальский гошпиталь уже тогда, когда первый неприятельский пароход вышел из-за мыса в Керченскую бухту; у казака была лишняя лошадь, и мы вместе присоединились кой-как к полку. Денщик мой с вещами тоже благополучно спасся. Мы каждый день встречаем керченских жителей, которых союзники вы-

пускают свободно, и они рассказывают довольно согласно друг с другом про тамошние приключения. Говорят, турки и татары начали было кутить, но французский адмирал, не стесняясь, расстреливает и вешает их за всякие притеснения жителям. Англичане и французы вообще держат себя хорошо, входят даже в церковь, крестясь; только бы винный погреб им открывали. Прощайте, милый друг мой. Вот видите, что я хорошо сделал, позаботившись перейти в полк. Целую Вас нежно и прошу вашего благословения. Образок ваш с мощами и молитва, которую Вы велели мне носить, у меня на груди.

<без числа>

...О настоящем почти нечего больше сказать; жизнь однообразна довольно; проснулся в 5, в 6 часов утра напился чаю; до полудня пролежал в палатке, покурил, в полдень пообедал большею частью у полковника; а там опять то же до ужина. Поговорим лучше о будущем или о тех предприятиях, которые могут иметь на него влияние. Если не случится похода за границу или чего-нибудь подобно-

го, могущего соблазнить, я полагаю осенью переправиться в московский военный госпиталь с тем, чтобы попробовать поготовиться на доктора. Знаете, как вспомнишь, что уж скоро 25 лет, а все живешь в нужде и не можешь даже достичь до того, чтобы быть хоть одетым порядочно, так и станет немного досадно, вспомнишь, сколько неудач на литературном поприще пришлось перенести с видимым хладнокровием, сколько всяких дрязг и гадостей в прошедшем, так и захочется работать, чтобы поскорее достичь хоть до 1000 р.с. в год. В крымской моей жизни было много трудностей, много того, что зовут борьбой с обстоятельствами, но я не ошибся, предсказавши сам себе, что такая жизнь в глуши и посреди новой обстановки должна исцелить мою душу от прежней болезненности, от этого глубокого равнодушия ко всему, которое препятствовало мне жить в Москве, я благодарен Крыму до сих пор, хотя никогда в жизни я не был принужден отказывать себе во стольком, как в настоящую пору; оно и выходит на поверку, что человек, не лишенный ума и души, может переносить все, если толь-

ко самолюбие его не оскорблено, уважение к себе не унижено зависимостью от пустых людей, и особенно если не видит около себя тех людей, которые слишком живо напоминают ему его недавние страдания.

7 октября. Келеш-Мечети.

Сейчас только устроился на новом месте, *chere Theodosie!* Келеш-Мечети есть центральный пункт нашего отряда, и, к большому материнскому торжеству вашему, самый безопасный; чему доказательством служит и присутствие маленького лазарета, над которым я со вчерашнего дня главою, и артиллерийские тяжести и т. п. принадлежности арьергарда. *Et Vous avez le front d'assurer que vos prieres sont-celles d'une pecheresse!..* (А вы дерзки считая, что ваши молитвы есть молитвы грешника!..) Насилу, насилу я нашел чистенькую татарскую хату; все занято офицерами, и, зная, что здесь придется, может быть, долго сидеть (пока генерал штаб-доктор не решит вызвать меня в Симферополь), убрал свою комнату так, что в ней не скучно и не гадко. Настлал на глиняный пол войлок и ко-

вер поверх рогожек; постель устроил из татарских тюфячков (они особого рода) в довольно уютном углу, а для занятий здешний командир, артиллерийский полковник Шестаков, предложил мне складные табурет и столик. Признаюсь, будь у нас малейшая возможность выиграть скоро что-нибудь на аванпостах, я бы пожалел об них; но, разочаровавшись в этом, я не прочь заняться 2–3 недели и насладиться чем-нибудь вроде комфорта; тем более, что я не отпрашивался, а сам начальник штаба перевел меня сюда; по старому знакомству с прежним здешним медиком (тем самым юношей, которого а moi père homérique[12] Вы как-то напугались в Еникале) он захотел иметь его около себя.

Больных у меня не больше 10; есть хорошая, не читанная еще, медицинская книга; может быть, и вдохновение посетит меня немножко, а то что-то не писалось все время; Вы знаете мою манеру задумывать 10 повестей разом; эта несчастная способность делает то, что конец любой какой-нибудь вещи пишется тогда, когда мысль или чувство сюжета уже остыли во мне. Я еще не решил, че-

му приписать то, что я так мало печатал; лени нельзя; это не наука, для которой достаточно рассудка и труда; большому самолюбию, которое, удовлетворившись первыми похвалами и собственным сознанием, хочет в печати или много или ничего, или, наконец, обстоятельствам: больной душе в России, множеству забот в Еникале, а по взятии Керчи – лагерному одеревенению разума... Я знаю, что говорю о предмете, когда-то для Вас враждебном, но, вероятно, теперь Вы помирились с ним, увидав, как мало мешает он моей медицинской службе, и не будете осуждать даже внутренне мою эгоистическую болтовню.

Засим целую Вас крепко и прошу вашего благословения. Адрес старый.

6 марта 1856 г. Биук Хаджилар.

Сегодня, часа три тому назад, воротился я из одного аула верстах в 50 от нас, где я провел двое суток с больным офицером нашего полка; он переломил себе ключицу. Погода скверная тем, что на возвратном пути (прямо от Вас) дует сильнейший ветер; снегу, однако,

уже нет, так что я, отправившись в тулупе и двойном сером пальто, верхом, остался очень доволен. Трудно выразить, насколько свежий воздух и верховая езда после долгого сиденья в хате обновляют меня всякий раз! Жаль, лошади нет своей, а покупать не стоит; деньги нужны теперь. Искал двух ваших писем последних в бумагах и, перебирая их, навел на себя грусть: видишь исписанной бумаги много, много положено дорогого сердцу туда, а конченного ничего еще нет! Так как вспомнишь, что уже 26 год пошел, как-то словно страшно станет, что ничего капитального еще не сделал. Нет, надо, надо ехать домой и, посвятивши целый год тишине и свободе, написать что-нибудь определительное, которое могло бы мне самому открыть, до какой степени я силен и в чем именно слаб!! А там, что Господь Бог даст.

Вчера послал в Феодосию казака за свидетельствами и, как получу их, подаю в отпуск сейчас же. Судя по последним словам вашим, я считаю Вас в Петербурге. Это прекрасно; а то в случае возобновления войны нашего брата, пожалуй, и не пустят без частных хода-

тайств. Я надеюсь на Вас; *Крубер*, должно быть, может иметь на это влияние, и *еще лучше Арендт* по связям его и по положению лейб-медика. 25 раз благодарю Вас за деньги; у меня есть 2 небольшие литературные работы; повесть, которая почти кончена, и драма, которой 2-е действие совсем даже переписано и было приготовлено для отправки Краевскому как залог на получение вперед денег; узнав же от Вас, что Вам нужны деньги для уплаты 75 руб., я предпочел посвятить еще неделю окончанию повести, так как тогда деньги будут верные, и я напишу, чтобы их доставили Вам, а за образчик может он дать и не дать. Кроме того, так как в неделю будет время обдумать шансы, то, быть может, я пошлю эту повесть в «Русский вестник» Каткову, придумаю поручить кому-нибудь условиться с ним и доставить 75 р. на Пречистенку Анне Павловне для раздачи кредиторам. Катков как человек несравненно деликатнее Краевского и, взявши вещь, верно, не заставит себя ждать уплатой. Одним словом, сделаю, что могу, а Вы только хлопчите об отпуске; довольно этой жизни; попробуем дру-

гой! Вы пишете еще, что Ротрофи не берется купить монографию о болезни печени, но при бродячей жизни, которую я неожиданно стал вести с января, оно и кстати. Это все не уйдет, была бы сила телесная да деньги, а остальное более или менее зависит от человека. Целую Вас крепко и прошу Вашего благословения. Прощайте, прощайте, милый друг мой. Будьте здоровы. Я в степи поправился опять.

25 августа 1856 г. Симферополь.

Только что в последний раз послал Вам письмо, принесли мне 2 от Вас – одно от 30 июля, другое от 2 августа. В первом нет ничего особенного, но во втором Вы говорите о службе моей, о том, чтобы я не оставлял ее, если хочу слышать ваш совет. Вы согласны ли с тем, что лучше быть медиком, чем коллежским ассессором? И, хотя Вы почему-то думаете, что практическая медицина еще не по вкусу мне, однако какой-нибудь успех при постели больного и (конечно, еще лучше, если за ним следует выгода) больше в 20 раз радует меня, чем всевозможные ассессоры. Я често-

любив, может быть, очень, но не на наши русские чины, которые можно принимать только как выгодное следствие службы, а не как цель ее. Самолюбие мое немного повыше целит, а деньги дороже генеральства самого, потому что с ними я могу удовлетворить своим вкусам. Чины – это к делу медицины все равно, что горчица к бифштексу; есть она – вкуснее; нету – черт ее побери; и без нее будешь сыт. А на конверте-то теперь все, кроме Вас, пишут мне «Высокоблагородие!». Ей-Богу, у меня есть вещи получше коллежского асессора в голове, до которого пришлось бы в военной службе тянуть еще лет шесть, по крайней мере. Я слишком небогат, чтобы составлять непреклонные планы, и вдобавок еще слаб здоровьем. Вы это знаете, и те планы, о которых я Вам писал, ни что больше, как желание, так или иначе, только бы устроиться. И что придется делать в Москве: совершенствовать себя в медицине или, отложив ее на время, стараться только заработать деньги на поездку в Италию, где вместе с климатом, почище крымского для груди, есть и Университет для занятий – этого я заранее решить не могу.

Опять-таки смотря по деньгам и по здоровью.

Одно только верно, что побывавшему за границей совсем другая дорога в том самом деле практической медицины и денежного заработка, в которых Вы бы желали меня видеть молодцом. И все Вы не то говорите! Например, что такое за беда, что вы полнеете? Дай Вам Бог; а поехать куда-нибудь со мной это не помешает. И отчего же не сказать Вам о том, что мне мечтается иногда путешествовать с Вами. Какой тут вред? Поверьте мне, стоит Вам только немного быть поуступчивее, я бы ужился с Вами. Попробуйте, еще не поздно; Вы уже своим умом жили довольно; попробуйте пожить моим. Поверьте, не раскаемся оба; только бы здоровья Бог дал. Ведь уж, кажется, Вы давно убедились, что отношения ваши ко мне не таковы, как к другим Вашим детям. Вникните в дело, разберите хорошенько и Вы увидите, что в ссорах со мной вредило ваше упорство. Вспомните, капризы ваши я всегда сносил без злой памяти, когда Вы в них каялись. Капризы снести можно всегда, если любишь человека; трудно снести только тогда, когда видишь, что человек не прав, а

сознаться не хочет, потому что он родил другого, а не другой его. Да разве Вы из тех дюжинных матерей, которые дальше своего чулка ничего не видят? То, что можно извинить Наталье Васильевне Охотниковой, потому что глухота остановила ее мысль навсегда, или Прасковье Васильевне Романовой, потому что она ничего не видала, Вам простить нельзя. Потому что я люблю в Вас не только мать, но и женщину; я убежден, что Вы так же понимаете, как и новое поколение, только не хотите в том сознаться из привязанности к некоторым старинным вкусам и воспоминаниям. Вы сами не видите этого, но, поверьте мне, Вы на моих глазах переменились во многом к лучшему! Последние месяцы, которые я с Вами провел в Кудинове, я забыть не могу; никогда мы с Вами так хорошо не жили. И если я в себе постараюсь отыскать, отчего мне было приятно, так сейчас вспоминаю несколько случаев, в которых Вы как будто уступили мне, как будто боялись меня раздражить. Нечего описывать эти сцены; при свиданье я напомним их Вам. Человек с трудом только может себе вообразить то впечатле-

ние, которое он производит на других, и Вы, быть может, не трудились над этим, так вот что: Вы на детей (и на меня с малолетства) производили впечатление de haut en bas[13]. Вы, нечего и говорить, умнее всех моих братьев и сестер, взятых вместе, образованнее их, ваша настойчивость к тому же и ваша вспыльчивость, которой все трепетали, которой и я боюсь до сих пор, заставляли смотреть на Вас совсем иными глазами, нежели я смотрю на Вас теперь. Теперь я вижу в Вас пожилую, уставшую, обманувшуюся в себе и других женщину, которую мне от души жаль; а я так устроен, что люблю более или менее тех, кто, мне кажется, более достоин соболезнования, нежели я сам, потому что себя я очень жалею и по бедности и по нездоровью. Поняли Вы меня? Согласны ли Вы, что, *если Вы захотите*, мы можем *жить мирно*, если придется *жить вместе*. При таких условиях я желал бы, конечно, и при перемене места быть с Вами. Вы говорите, что видите часто меня во сне, а я недавно видел, что Вы в тарлатановом платье с короткими рукавами и вечером в большой зале сватали мне бывшую

Наташу Буланину, которую я очень крепко целовал (вероятно, оттого, что на ночь наелся баранины с перцем), и мы вместе все трое ругали Аграфену Павловну. Отпуска моего нету все уже два месяца. Досадно, что пропадает лучшее время, которое можно было бы провести на Южном берегу. Впрочем, это замедление худого не предвещает. Худые ответы приходят скоро. Прощайте, целую Вас и прошу вашего благословения; уже скоро полночь. Тетушку Катер<ину> Борис<овну> обнимаю.

1 мая. Феодосия 1857 г.

Передо мной, друг мой, 2 ваших письма; одно я получил прежде от 14 апреля, другое сейчас прислали из Тамака от 7-го апреля. И в том, и в другом Вы беспокоитесь за мою судьбу в дороге и по возвращении домой. Другой, сейчас бы уехал к Вам, да нет отставки и денег. Отказа, конечно, не будет. Но когда я оставлю Крым, не могу ничего сказать. Вышел приказ военного министра, что желающих в отставку, не дожидаясь ответа из Петербурга, может отпускать в отпуск начальник дивизии. Было бы 150 рублей, я был бы в

Кудинове к 1-му июня! Наш дивизионный доктор в Одессе, ответ от него может выйти через две недели, а жалование со дня отпуска прекращается. Пока я получаю 20 р. сер. в месяц, я все-таки сыт и курю табак; а тогда? И ехать не с чем, и жить не с чем. Навязываться на даровую жизнь у Шатиловых не хотелось бы, несмотря на всю их доброту! Ехать на Южный берег, пока Краевский или Катков вышлют что-нибудь? С чем?.. Вы знаете, что за рукописи, отправленные на ваше имя, я, в случае счастливого исхода, больше 150 р. получить не могу. И то в конце июня. Надобно же как-нибудь выйти из этого ложного положения. Ни то, ни се, ни Крым, ни Москва. *Выгод*, повторяю, я здесь *никаких не имею*; и не хочу марать себя *в мирное время военной службой*. Итак, не беспокойтесь обо мне насчет Москвы. Что будет, то будет; если я не вынесу климата – пусть!! Лучше совсем пропасть, чем пресмыкаться в неизвестности. Я имею такого рода религию: кто кому нужен – тот будет жив, а кто ни на что не пригодился Богу на земле, так и жалеть его нечего! Если московский климат будет труден, а дела хоро-

ши, то один год или 1½ не убьют меня; в полтора года можно многое кончить и опять уехать. Самое пламенное мое желание провести 4–5 месяцев в Кудинове, кончить роман и тогда ехать работать в Москву. Насчет развлечений – не думайте об них; мне не до них; я их забыл. И что за развлечения с 20 р. с. в месяц. Уж веселиться, так веселиться, а дешевые удовольствия не по нас!! То есть это я к тому, что Вы за мою кудиновскую обстановку беспокоитесь. Поверьте мне: после лишения крымских Кудиново будет для меня волшебным замком! Да неужели Вы примете за фразу, если я Вам скажу, что ваше общество было бы мне истинно дорого! Когда тесно – мы ссорились, да и как же: Вы кропотливы и щепетильны, я небрежен в хозяйстве; Вы пуританка по образу мыслей, а я больше а la Беранже по нравственности. В Кудинове же мы редко ссорились; а приятных минут у нас много в памяти (т. е. у меня, по крайней мере). А что других членов семейства нет, так тем лучше! Покойнее!! Вы, конечно, не сомневаетесь, что можно расходиться в образе мыслей и любить человека от души. Ваша

неправда приятнее мне иногда, чем иная правда других, к которым я совершенно равнодушен. Итак, молитесь только Бога, чтобы я был здоров и добрался бы до Кудинова, да устройте мне эти 150 р. сер. от Краевского. А тогда, Бог даст, и поправимся!! Ничего! Прощайте. Целую Вас 30 000 раз.

Примечания

1

имеет все недостатки кампании без поэзии и комфорта (фр.)

[^^^]

Я надеюсь, вернувшись, увидеть вас поправившейся? Прощай, моя малышка, я целую вас и прошу вашего благословения. Я получил маленькую молитву, я привязан к каждому этому дню шнуром моего креста, и считаю себя обязанным сшить для вас – небольшой саквояж; слуги и даже дети – хамы перворазрядные! Я не хочу, чтобы их руки пачкали этот документ, который освящён вашей любовью даже больше, чем Давид своим красноречием. И благодарю за советы есть небольшой <нрзб>, вы можете попробовать это на купание в море в летний период. А ваши портрет? (фр.)

[^^^]

целуя руки (фр.)

[^^^]

4

времяпровождение (фр.)

[^^^]

манера (фр.)

[^^^]

6

Прощай, мой милый! Счастливого пути! (фр.)

[^^^]

оглядываясь назад (фр.)

[^^^]

8

Вы надеетесь, чтобы найти меня исправленным, если но как, то, Боже мой! Да что вы говорите? (фр.)

[^^^]

Это хорошо для первой молодости? (фр.)

[^^^]

Вы говорите, что раз я был в зол и уныл, когда я был бездельником? Никогда! Я был в зол и уныл, когда у меня не было цели сделать что-нибудь и, будучи слишком занят, я не был в университете (фр.)

[^^^]

До свидания. Приветствуйте каждого (фр.)

[^^^]

гомерический хохот (фр.)

[^^^]

вниз (фр.)

[^^^]